

российская атмосфера, сопутствующая Первой Балканской войне, и тем самым складывается разительная картина обособленности умонастроений и несогласованности устремлений всех частей государственного организма в преддверии Первой мировой войны. Гражданственное начало пришивинского художественно-публицистического документа не позволяет ему устаревать.

Примечания

- 1 См.: Пришвин М. По градам и весям. I. Штыковой удар. II. В греческом погребке. III. Рыцари без лат. IV. Эпидемия // Заветы. 1912. № 8. Отд. II. С. 73–82.
- 2 См.: Мстиславский С. Своё и чужое (Русская жизнь). VIII. Чужая война // Там же. С. 83–111.
- 3 См.: Вольский Ст. Письма с Балкан. 1. Национальная война или политическая авантюра? 2. Надежды и чаяния победителей. 3. В стане побеждённых // Там же. С. 165–174.
- 4 См.: Василевский Л. (Плохоцкий). Накануне демократизации политического строя в Венгрии // Там же. С. 174–186.
- 5 См.: Пришвин М. По градам и весям. 1. Дежурное блюдо. 2. Наши позиции. 3. Коренная обида. 4. Притча о пьяных медведях // Заветы. 1912. № 9. Отд. II. С. 119–129.
- 6 См.: Вольский Ст. Письмо с Балкан. Письмо второе // Заветы. 1913. Отд. II. С. 165–175.
- 7 Зувев М. История России с древнейших времён до начала XXI века. М., 2002. С. 478.
- 8 История России. XX век : 1894–1939. М., 2009. С. 240.
- 9 Там же. С. 242.
- 10 Там же. С. 240.
- 11 Мясников А. Путеводитель по русской истории : Книга 3. Золотой век Российской империи. М., 2011. С. 434.
- 12 История России. XX век : 1894–1939. С. 291.
- 13 Там же. С. 296.
- 14 Там же. С. 295.
- 15 Данилов А. История России, XX век. М., 2001. С. 61.
- 16 См.: Пришвин М. По градам и весям. I. Штыковой удар // Заветы. 1912. № 8. Отд. II. С. 73–75. Далее цитаты в тексте даются по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- 17 «Для меча и штыка, к защите славы святого нам Отечества, и трёх оставшихся у меня пальцев с избытком достаточно», – это слова знаменитого прощального приказа Ивана Никитича Скобелева, героя Отечественной войны 1812 г., продиктованные им после боя, когда ампутировали раздробленную снарядом руку (Цит. по: Капустина В. А. Забытый портрет // III Музейные научные чтения «Мир русской усадьбы» : сб. материалов. Н. Новгород, 2007. С. 198).
- 18 Пришвин М. По градам и весям. I. Штыковой удар. С. 75.
- 19 См.: Пришвин М. По градам и весям. II. В греческом погребке // Заветы. 1912. № 8. Отд. II. С. 75–77. Далее цитаты в тексте даются по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- 20 См.: Пришвин М. По градам и весям. III. Рыцари без лат // Там же. С. 77–79. Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте.
- 21 См.: Пришвин М. По градам и весям. IV. Эпидемия // Там же. С. 79–82. Далее цитаты в тексте даются по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- 22 Мстиславский С. Указ. соч. С. 83.
- 23 Там же.
- 24 Там же.
- 25 См.: Пришвин М. По градам и весям. 2. Наши позиции // Заветы. 1912. № 9. Отд. II. С. 120–123. Далее цитаты в тексте даются по этому изданию с указанием страниц в скобках.

УДК 821.161.1.02-1+929[Есенин+Шершеневич]

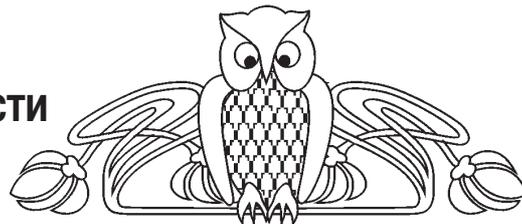
«ПРАВЫЕ» И «ЛЕВЫЕ» ИМАЖИНИСТЫ: К ИСТОРИИ ПРЕКРАЩЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГРУППЫ

С. А. Бубнов

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева
E-mail: bubnows@yandex.ru

Исследован литературно-критический материал 1919–1927 гг., касающийся восприятия литературной группы «Имажинисты». Критики разных эстетических убеждений в целом не поверили в истинность и глубину переживаний поэтов-имажинистов. Современники критиковали участников группы за эпатаж и стихотворное экспериментаторство.

Ключевые слова: литературная группа «Имажинисты», свободное творчество, С. Есенин, В. Шершеневич.

The «Right» and «Left» Imaginists: on a Literary Group Disintegration

S. A. Bubnov

The article presents a research of the literary and critical material of 1919–1927 related to the perception of the literary group «Imaginalists». Critics of different aesthetic views did not believe in the sincerity and depth of the imaginalist poets' emotions. Contemporaries criticized the group members for epatage and experiments in poetry.

Key words: Imaginist literary group, free creativity, S. Esenin, V. Shershenevitch.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-3-286-289

Имажинизм как литературно-художественное течение возник в России на рубеже 1920-х гг. на основе эстетических и творческих исканий авангардистских направлений отечественной поэзии начала XX в. «Название восходит к имажизму – авангардистской школе в англоязычной поэзии 1910-х годов. Имажинисты исходили из представления о том, что литературное творчество должно сводиться к созданию образов, каждый из которых имеет самостоятельное значение и не требует смыслового единства с другими образами в отдельно взятом произведении»¹. Поэты-имажинисты также пристальное внимание обращали на «игру» ритмов». Т. С. Хьюм, заложивший основы имажистской эстетики, видел прежде всего в поэзии «пешехода, зовущего на прогулку, а не поезд, доставляющий к месту назначения»². Он был врагом всего устоявшегося, превратившегося в клише и стандартные метафоры.

Для воплощения своих нетривиальных творческих замыслов поэты В. Шершеневич, А. Мариенгоф и С. Есенин организовали литературную группу «Имажинисты», о которой заявили в «Декларации», опубликованной 30 января 1919 г. в воронежском журнале «Сирена» и в столичной газете «Советская страна» (1919, 10 февраля). В группу также вошли Р. Ивнев, А. Кусиков, И. Грузинов, М. Ройзман, Н. Эрдман. Авторы заявления отстаивали извечную самоценность образа, необходимость свободы выбора темы и приоритет формы по отношению к содержанию. Свои цели и задачи группа изложила в уставе «Ассоциации вольнодумцев в Москве», составленном С. Есениным и А. Мариенгофом. В первом параграфе этого документа было записано: «Ассоциация Вольнодумцев есть культурно-просветительное учреждение, ставящее себе целью духовное и экономическое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе мировой революции. Деятельность Ассоциации Вольнодумцев в пропаганде и самом широком распространении творческих идей революционной мысли и революционного искусства человечества путем устного и печатного слова. <...> Ассоциация <...> имеет образцовую студию, редакцию с библиотекой-читальней, имеет свое помещение, столовую. А также устраивает митинги, лекции, чтения, беседы, спектакли, концерты, выставки и т. п.»³. Намерения поэтов поддержал нарком просвещения А. Луначарский, который в резолюции отметил, что он сочувствует целям Ассоциации и разрешает ее представителям иметь отдельную печать. Центром литературной группы стало московское кафе на Тверской улице «Стойло Пегаса». Председателем Ассоциации, по свидетельству М. Ройзмана, с самого начала был избран С. Есенин. С первых

же дней своего существования имажинисты приступили к распространению выдвинутых ими идей, начав активную и неутомимую борьбу за своего читателя. Участники группы дружно заявили о себе с подмостков литературных вечеров, со страниц периодической печати и поэтических сборников. Вскоре при непосредственном участии С. Есенина, А. Мариенгофа и В. Шершеневича было организовано кооперативное издательство «Имажинисты», позволившее поэтам самостоятельно издавать собственные произведения. За первые три года существования издательства в нем было выпущено более тридцати сборников молодых и начинающих авторов.

Первое публичное выступление имажинистов состоялось 29 января 1919 г. в литературном объединении СОПО, где с эстрады Всероссийского союза поэтов участники вечера С. Есенин, Р. Ивнев, А. Мариенгоф и В. Шершеневич заявили об образовании группы и выступили перед слушателями с чтением своих произведений. Чуть позже «Ассоциация вольнодумцев» организовала «Митинг-выставку стихов и картин имажинистов» в большой аудитории Политехнического музея, в то время самой популярной поэтической трибуны. В январе–феврале 1919 г. в издательстве «ВЦИК» при участии А. Мариенгофа был издан сборник стихотворений «Явь», в котором имажинисты впервые собрались под одной обложкой. В течение года появились также поэтические книги «Автографы», «Крематорий», «Магдалина», «Кондитерская солнц». Н. Захаров-Мэнский, обозревая литературу за 1919 г., отмечал, что имажинисты, «как из рога изобилия закидали поэзию 1919 года своими тоненькими книжечками»⁴. Образование группы «Имажинисты» и ее активное участие в литературной жизни начала 1920-х гг., безусловно, привлекло внимание литературной критики.

Одним из первых откликнулся на творческий дебют группы В. Фриче. Представитель социологического направления в критике считал имажинизм органическим продолжением футуризма, интеллигентски-буржуазным течением поэзии, оторванным от народа. Автор статьи упрекал поэтов за их шумные эпатажные выступления на эстраде, за попытку под видом «пролетарской поэзии» издавать собственные произведения, которые для апологета большевистских идеалов представлялись «духовной гнилью». В другой статье В. Фриче назвал С. Есенина «творцом имажинизма» и, несколько не изменив своего мнения об участниках группы, по-прежнему отнес их творчество «к области курьезов и недоразумений, чем литературы»⁵.

Тем не менее, известность группы вскоре достигла всероссийского масштаба. О выступлениях литературного объединения имажинистов сообщалось в воронежских, самарских, рижских, одесских, саратовских, тверских, петроградских и других периодических изданиях. Имажинистская поэзия привлекала внимание современников, прежде

всего, самобытностью и лирической оригинальностью, которая не вписывалась своей богоборческой и нарочито бульварной лексикой в нормативные традиции русской литературы. Своими произведениями и полемическими выступлениями поэты смело отстаивали право на абсолютно свободное творчество, отрицая всякое проявление политических взглядов и настроений в поэзии.

Например, В. Шершеневич, сотрудничавший в левозэсеровских изданиях, выступил на страницах еженедельника партии анархистов «Жизнь и творчество русской молодежи» со статьей «Искусство и государство», в которой варьировал понятия, вынесенные в заглавие: «Искусство связано и убито слишком большим вниманием государства. <...> Государству нужно не искусство, а искусство пропаганды»⁶. Поэт защищал свободу творчества и считал, что творцом может быть только профессионал. «Констатирующему» искусству, выполнявшему социальный заказ государства, он противопоставлял искусство «протестующее и созидующее», т. е. индивидуалистическое. Автор статьи был против практики тех футуристов, которые пренебрегали в своем творчестве художественной формой ради облегчения понимания трудящимися массами содержания. Шершеневич отстаивал также независимость от идеологических доктрин.

Эту же мысль отстаивал С. Есенин во время встречи с В. Брюсовым, о чем рассказал Е. Бахметьев в статье «Валерий Брюсов о современной литературе». Автор оставил воспоминания о прочитанной Брюсовым 19 октября 1920 г. в Москве лекции о поэзии и той атмосфере, которая царила в аудитории. После выступления лектора между присутствовавшими состоялась дискуссия о современной литературе. Наибольшее воодушевление и возмущение у собравшихся вызвал разговор о пролетарской поэзии, которую В. Брюсов назвал «вряд ли удовлетворительной». Именно тогда в прениях С. Есенин говорил о засилии пролетарской литературы, о том, что «нельзя свободно написать ни одной строки, относящейся к искусству – дай политики»⁷. Имажинизм, со слов поэта, и был образован с целью создания подлинно революционной атмосферы и свободы в современной поэзии. Однако для автора статьи, отстаивающего, безусловно, большевистские взгляды в области литературы, на что указывает издание, разместившее публикацию, имажинисты были настоящими литературными врагами, отражавшими в своих произведениях «белый лик» и «белую душу». Представители пролетарской литературы с ведома верховной власти, как правило, противопоставляли себя «буржуазным» имажинистам, мотивируя свое решение классовым первородством, кровной принадлежностью к пролетарской культуре.

Критики футуристической ориентации также отказывали имажинистам в способности отражать революционные события и общественные явления, представляя их читателям исключительно поэтами-

лириками. С. Буданцев откликнулся рецензией на второй сборник имажинистов «Конница бурь» (Художественное слово. 1920. Кн. 2. С. 63). Заметим, что первый одноименный сборник представлял собой так называемые «революционные» тексты М. Герасимова, С. Есенина, Н. Клюева, А. Мариенгофа и П. Орешина, авторы которых, каждый по-своему, выразили видимые и «звуковые» стороны революции. Вторая книга по объему уже вдвое уступала предшественнице. Она состояла из произведений С. Есенина, А. Ганина, А. Мариенгофа и, по мнению рецензента, была «определенно имажинистской». Критик высоко отозвался о поэме С. Есенина «Пантократор». Он также восхищался «милой простотой» есенинских стихотворений «Я покинул родимый дом...» и «Теперь любовь моя не та...», опубликованных в сборнике и напоминавших автору своим метафорическим строем лучшие лирические строки Н. А. Некрасова. Однако в силу своих эстетических убеждений и установок «хороший знакомый Есенина» С. Буданцев однозначно отказал имажинистам в праве отражать общественную жизнь страны.

В статье «Плавильня слов» В. Ирецкий, с симпатией относившийся к лаконичности стиля и ожившим образам старины, отрицательно воспринял имажинистские произведения, опубликованные в сборниках «Плавильня слов», «Конница бурь», «Харчевня зорь». Критику казалось, что все участники «банды» занимались настоящим литературным бесчинством – разрушением устоявшихся канонов изящной словесности. В литературном азарте и подлинном задоре имажинистов он увидел только «поясничанье» и «жонглерство словами»⁸. Автор статьи не поверил в истинность и глубину переживаний поэтов по поводу свершающегося и полагал, что в своем творчестве они просто прибегали к низкопробному плагиату и лишнему творческому началу ремесленничеству.

В рецензии на коллективный сборник «Плавильня слов», опубликованной в одесском журнале с характерным заглавием «Лавна», ее автор тоже не принял эстетических постулатов имажинистов. Готовый видеть в литературе прежде всего примитивное отражение общественной жизни, рецензент упрекал авторов сборника за вопиющую безыдейность и безграничное увлечение словотворчеством. С его точки зрения, имажинистские произведения представляли пеструю словесную чехарду и сознательное «отрицанье здравого смысла»⁹. В Есенине, правда, критик по-прежнему находил певца революции, вышедшего из мужицкой среды и пронизательно отражавшего все особенности ее жизни. Поэтому в заключение автор рецензии писал, что есенинская поэзия не имеет ничего общего с имажинизмом А. Мариенгофа и В. Шершеневича, предлагая Наркомпросу просто ликвидировать новое литературное течение за житейской ненадобностью.

Писатели из крестьян не оставили в периодической печати критических откликов на

«имажинистские» выступления собратьев по перу. Во многом это объясняется тем, что к началу 1920-х гг. они по идеологическим причинам были насильственно отгеснены от литературно-общественной жизни страны. Тем не менее, своё отношение к имажинизму «новокрестьяне» выразили и передали в собственных произведениях. Н. Клюев, пожалуй, острее всех переживал имажинистское увлечение С. Есенина. В стихотворении «В степи чумацкая зола...» он выговаривал сопесеннику за разрыв творческих связей с крестьянскими поэтами, упрекая его в необузданной гордости и болезненном самолюбии. Признанный мэтр «крестьянской купницы» не принял имажинистской поэтики и критиковал «разбойного» Есенина за стихотворное экспериментаторство: «обломки рифм, хромые стопы»¹⁰. В поэме «Четвертый Рим» Н. Клюев с еще большей неприязнью высказался об имажинизме и имажинистском окружении поэта.

В 1920–1921 гг. А. Мариенгоф, В. Шершеневич, И. Грузинов издали книги «Буян-остров. Имажинизм», «2 X 2 = 5», «Имажинизма основное», в которых отстаивали собственную литературную позицию и попытались, каждый на свой лад, изложить эстетическую платформу имажинизма. Это, в свою очередь, привело С. Есенина к созданию статьи «Быт и искусство», в которой он также размышлял над задачами нового литературного направления. В этой работе поэт попытался осмыслить и критически оценить формалистическую позицию и национальный нигилизм имажинистов. Между Есениным и другими членами группы отчетливо наметилось явное расхождение во взглядах на задачи писательства.

О возникших разногласиях в среде имажинистов высказывался и А. Кусиков. Тринадцатого января 1922 г., выступая с Б. Пильняком в Доме литераторов перед петроградскими писателями, он сообщил, что группа имажинистов распалась на два направления: на «правых» (С. Есенин и А. Кусиков) и на «левых» (В. Шершеневич и А. Мариенгоф). Причиной идейного раздора, по его мнению, послужило отношение поэтов к образу, представлявшему, как известно, основу этого литературного течения. «Правые» считали поэтический образ средством и в соответствии с этим поэзию разделяли на «нужную» и «ненужную», «левые» же рассматривали образ как самоцель и совсем не интересовались содержательным наполнением произведения. Таким образом, «правым» имажинистам было важно, что написать, а «левым» – как написать, независимо от содержания. А. Кусиков по сути был прав. При обсуждении поэмы С. Есенина «Пугачев», выпущенной отдельным изданием в декабре 1921 г., имажинисты указали на явную уступку в ней определенной теме и содержанию в ущерб форме. Между ними вновь возникли разногласия по поводу воззрений на цели и задачи искусства.

Разногласия критических суждений о «Пугачеве» возникла и при обсуждении возможности постановки его в театре. С. Есенин полагал, что слову должна быть отведена в театре главная роль. Если с этой точки зрения автор «Пугачева» называл свое произведение «лирическим» и жаждал увидеть его на сцене, то В. Шершеневич придерживался иного мнения. Он отводил в театре главную роль действию. Поэтому, как и Вс. Мейерхольд, придавал первостепенное значение в пьесе театральной интриге, выступая против лиричности «Пугачева» и невозможности его сценической постановки.

В 1924 г. С. Есенин и И. Грузинов напечатали открытое письмо в газете «Правда» с заявлением о роспуске группы. Тогда же прекратился выход журнала «Гостиница для путешествующих в прекрасном» и закрылось издательство «Имажинисты». Объединение поэтов-имажинистов окончательно было ликвидировано в 1927 г. «Орден имажинистов» вместе с другими литературными группами 1920-х гг. проиграл государственной машине изначально неравную борьбу за свободу творчества и за независимость поэзии от власти.

Причинами кратковременной жизни русского имажинизма следует считать стремление участников группы построить свою эстетику на «самодовлеющем значении» образа, выход из состава группы ее лидера С. Есенина, узость и ограниченность поэтической тематики. Поэты-имажинисты в своих произведениях чаще всего изображали современный мир города-монстра, касались темы поэта, преобразующего мироздание и бросающего вызов миру и Богу.

Примечания

- ¹ Книгин И. Словарь литературоведческих терминов. Саратов, 2006. С. 74.
- ² Хьюм Т. Романтизм и классицизм / пер. с англ. С. Нерешетова // Антология имажинизма / сост. и ред. А. Кудрявицкого. М., 2001. С. 305–306.
- ³ Гусева Н., Субботин С., Шумихин С. Комментарии // С. А. Есенин. Материалы к биографии. М., 1993. С. 359–360.
- ⁴ Захаров-Мэнский Н. Книги стихов 1919 года // Вестн. театра. 1920. № 58. С. 15.
- ⁵ Фриче В. Литература за два года советской власти // Творчество. 1919. № 10–11. С. 49.
- ⁶ Шершеневич В. Искусство и государство // Жизнь и творчество русской молодежи. 1919. № 28–29. С. 5.
- ⁷ Бахметьев Е. Валерий Брюсов о современной литературе // Грядущее. 1920. № 11. С. 16.
- ⁸ Ирецкий В. Плавильня слов // Вестн. литературы. 1920. № 9. С. 9.
- ⁹ В. [Рецензия] // Лава. Одесса, 1920. № 2. Рец. на сб.: Плавильня слов. М., 1920. С. 31.
- ¹⁰ Клюев Н. В степи чумацкая зола... // Клюев Н. Песнослов. Стихотворения и поэмы / сост., вступ. ст. и коммент. С. Субботина и И. Костина. Петрозаводск, 1990. С. 109.